

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРЕДИКАТИВНЫХ НАРЕЧИЙ

М.М.И. Эль-Султани

Аннотация. В настоящей статье анализируются проблемные вопросы лингвистики, которые касаются определения частеречного статуса единиц, выражающих семантику состояния. В современной науке нет единого мнения по этому поводу, на равных правах существуют несколько определений: «имя состояния», «категория состояния», «предикатив», «предикативные наречия». Несомненное наличие у единиц с семантикой состояния адвербиальных признаков позволяет рассматривать их как особую категорию наречий: предикативные наречия. Сложность и многочисленность адвербиального корпуса русского языка определяет правомерность использования полевого подхода для исследования предикативных наречий. При применении метода моделирования лингвистического поля совокупность предикативных наречий предстает как полевая структура в составе макрополя русских наречий, которая одновременно проявляет функциональные, семантические и грамматические признаки и образует структурные связи с грамматическими полями существительных, прилагательных и глаголов. При этом функциональный признак предикативности обеспечивает сближение поля предикативных наречий с грамматическим полем глаголов, что обусловлено актуальными тенденциями в системе русского языка. В свою очередь, поле предикативных наречий также обладает сложной структурой, в которой выделяются функционально семантические подполя перцептивности, ментальности, эмоциональной реакции и оценочности. Предикативные наречия отражают принцип связи человека с окружающим пространством, что является основной категорией национальной культуры.

Ключевые слова: наречия, частеречные свойства, диапазон наречий, предикативы, функционально-семантическое поле, функционально-грамматическое поле, семантика состояния.

Для цитирования: Эль-Султани М.М.И. Структурно-семантические особенности предикативных наречий // Преподаватель XXI век. 2025. № 1. Часть 2. С. 361–372. DOI: 10.31862/2073-9613-2025-1-361-372

© Эль-Султани М.М.И., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

M.M.I. El-Sultani

Abstract. *This article analyzes the problematic issues of linguistics, which relate to the definition of the part-of-speech status of units expressing the semantics of state. In modern linguistic science, there is no consensus on this issue, there are several equally relevant definitions: “name of state”, “category of state”, “predicative”, “predicative adverbs”. The undoubted presence of adverbial features in units with semantics of state allows us to consider them as a special category of adverbs: predicative adverbs. The complexity and multiplicity of the adverbial corpus of the Russian language determines the validity of using the field approach to study predicative adverbs. When applying the method of modeling the linguistic field, the set of predicative adverbs appears as a field structure within the macrofield of Russian adverbs, which simultaneously exhibits functional, semantic and grammatical features and forms structural links with the grammatical fields of nouns, adjectives and verbs. At the same time, the functional feature of predicativity ensures the convergence of the field of predicative adverbs with the grammatical field of verbs due to current trends in the Russian language system. In turn, the field of predicative adverbs also has a complex structure, in which the functionally semantic subfields of perceptivity, mentality, emotional reaction and evaluativity are distinguished. Predicative adverbs reflect the principle of human connection with the surroundings, which is the main category of national culture.*

Keywords: *adverb, part-of-speech properties, range of adverbs, predicatives, functional semantic field, functional grammatical field, semantics of state.*

Cite as: El-Sultani M.M.I. Structural and Semantic Features of Predicative Adverbs. *Prepodavatel XXI vek. Russian Journal of Education*, 2025, No. 1, part 2, pp. 361–372. DOI: 10.31862/2073-9613-2025-1-361-372

В настоящей статье исследуются структурно-семантические особенности предикативных наречий, что привлекает внимание к вопросам, связанным с определением частеречного статуса и пониманием самой категории предикативности.

Согласно каноническому определению, приведенному в Лингвистическом энциклопедическом словаре (ЛЭС), наречие понимается как «лексико-грамматический класс неизменяемых, как правило, слов, обозначающих признак действия, качества или предмета и выступающих в синтаксической функции обстоятельства или определения, реже сказуемого» [1, с. 322]. Даже это общее определение, принятое в лингвистической науке, позволяет очертить круг проблемных вопросов, связанных с необходимостью установления границ самого понятия и выделения параметров частеречной категории.

В диссертационном исследовании Л.А. Савеловой выделяются основные проблемы, связанные с состоянием изучения и определения статуса наречий, обусловленные разнообразием и широким словарным составом этой категории в русском языке [2]. Отмечается, что наиболее подробно изучены литературные и диалектные наречия, т.е. единицы, представляющие достаточно устойчивый корпус русского языка. В то же время вне внимания исследователей остаются сленговые и специально маркированные

наречия, которые имеют большое значение для определения путей развития языковой системы и трансформации семантико-прагматического характера наречий.

Наречная система русского языка отличается широким функциональным спектром, что позволяет рассматривать ее как совокупность множества отдельных образований, каждое из которых представляет собой полноценно развитую систему, в различной степени проявляющую общие адвербиальные категории. Полицентричность адвербиальной лингвистической системы и структурные связи между ее центром и периферией определяют возможность применения полевого подхода, позволяющего не только определить границы системы и охарактеризовать ее структурные особенности, но и применять методы моделирования для изучения наречий. Приемы моделирования при изучении современных наречий применяются преимущественно для исследования семантических классов и функционально-грамматических парадигм. «Отличия между частными вариантами наречной системы касаются прежде всего лексического состава компонентов полевой структуры и функционально-семантической значимости единиц, но не их типологических характеристик» [там же, с. 16].

Соответственно, всю совокупность наречий русского языка можно представить как семантико-грамматическое поле, в составе которого выявляются меньшие по объему поля: функционально-семантические, лексико-семантические, функционально-грамматические.

Для выявления и описания категориальных признаков большое значение имеют связи наречия с другими частями речи, которые проявляются различным образом в каждой из полевых наречных систем. Соответственно, особую значимость для выявления и описания категориальных признаков наречия имеют функционально-грамматические признаки, что определяет необходимость рассмотрения прежде всего функционально-грамматических образований в составе адвербиального поля.

Однако при изучении наречий нельзя не учитывать их семантические особенности, поскольку наречия номинируют и объективируют достаточно сложные смысловые категории, которые в семантическом пространстве русского языка предстают как гибкие и динамичные, и в то же время соотносятся с базовыми категориями смысловой картины мира. Наиболее значимыми лексико-семантическими образованиями, выделяемыми в системе наречий, являются семантико-грамматические поля «Качество», «Количество», «Пространство», «Время», «Обусловленность», «Отношение». Выделение основных семантических полей позволяет классифицировать наречия как относящиеся к квалификативным, количественным, пространственным, временным, наречиям логической обусловленности и модальным [там же, с. 17].

Предложенная Л.А. Савеловой классификация существенно расширяет представление о двухчастной системе наречий, принятой в современной грамматике. Так, В.В. Виноградов выделяет два основных семантических разряда наречий: качественные (определятельные) и обстоятельственные [3, с. 307–308].

Рассмотрение наречий на синтаксическом уровне также выявляет ряд проблем, связанных, прежде всего, с потенциальной многофункциональностью этой части речи. Одна и та же лексическая единица, классифицируемая как наречие, может иметь несколько синтаксических функций. Отмечая это обстоятельство, В.Б. Евтюхин, однако, обращает внимание на неравнозначность этих функций, одни из которых первичны, а другие — вторичны и второстепенны [4, с. 497]. Первичная синтаксическая функция

наречия — выступать в качестве «обстоятельного члена предложения при сказуемом или определении» [5, с. 117]. Вторичные функции связаны со способностью наречия выступать в качестве определения и сказуемого. Следовательно, с точки зрения функционально-синтаксических признаков в системе наречий можно выделить три большие группы: наречия, которые могут «выступать в роли присловного распространителя с обстоятельным и определительным значением», наречия, которые могут выступать «в роли неприсловного распространителя предложения — обстоятельного детерминанта» и наречия, которые выступают «в роли предиката — сказуемого в двусоставном предложении» [6, с. 13].

В науке неоднократно отмечалась невозможность адвербиальной классификации на основании исключительно морфологических признаков, поскольку у наречий нет специфических функциональных признаков, и «все функции, которые исполняют наречия, исполняют и словоформы других частей речи» [4, с. 495]. Соответственно, рассмотрение наречий наиболее перспективно в прагматическом аспекте, причем наиболее результативным является синтаксический уровень. Способность наречия реализовывать функции обстоятельства, определения и сказуемого предполагает выделение как минимум трех адвербиальных классов: кроме обстоятельного и определительного, выделяется также предикативный класс наречий.

Выделение отдельного класса предикативных наречий и, соответственно, описание структуры поля адвербиальной предикации требует уточнения самого понятия предикативности.

Предикативность в Лингвистическом словаре определяется как специфическая синтаксическая категория, которая характеризует функциональную специфику предложения как основной единицы синтаксического уровня языка [1, с. 392]. Наличие предикативности выступает основным конституирующим признаком предложения. Семантическая функция предикативности состоит в маркировке отношения к действительности, формальная — в оформлении единицы сообщения, идентифицирующая — в противопоставлении предложения другим синтаксическим образованиям. С точки зрения функциональности предикация выступает одной из основных категорий, наряду с номинацией и локацией [1, с. 393]. Соответственно, предикативная характеристика наречия является важнейшей лингвистической функцией, требующей детального рассмотрения.

В исследованиях общелингвистического характера отмечается несоразмерность частей системы в разных языках. Так, встречаются случаи отсутствия грамматических признаков конверсии в системе существительных, прилагательных и причастий в арабском языке, слабо выраженные различия между именными и глагольными единицами в абхазо-адыгских языках. Однако грамматическая система русской речи характеризуется разнообразием, которое требует уточнения и дополнения существующей типологии [7]. Приобретение свойств предикативности единицами, существующее вне глагольной системы, позволяет выделить в отдельный класс предикативов слова, традиционно относящиеся к классу наречий.

На существование таких единиц, которые нельзя с уверенностью отнести ни к кратким прилагательным, ни к наречиям, обратил внимание еще А.Х. Востоков [8]. Автор решил классифицировать их как глаголы, присоединив к лексемам с эксплицитированной предикативной семантикой, таким как «жаль», «лень», «можно», «должно»,

также и краткие прилагательные, не имеющие соответствующих полных форм: «рад», «готов», «горазд» [8, с. 80–81]. Критически оценивающий труды Востокова Ф.И. Бушлаев предложил рассматривать подобные единицы как безличные глаголы [9, с. 121]. В.А. Богородицкий в своем «Общем курсе русской грамматики» отметил, что такие слова «получили уже значение глагольности вследствие того, что их всегда сопровождает или подразумевается при них глагол *быть*» [10, с. 195].

Термин «предикативное наречие» впервые употребил А.А. Шахматов в работе «Синтаксис русского языка». В этом качестве он рассматривал не отдельные слова, а устойчивые формы с глаголом «*стать*»: «*стало хуже*», «*становилось холодней*» и т.д. Шахматов предложил рассматривать эти устойчивые формы как целостные спрягаемые единицы [11, с. 167].

А.М. Пешковский, однако, сомневался в правомерности отнесения подобных единиц к разряду наречий, отмечая в качестве синтаксических свойств наречия связь с глаголом или прилагательным. Пешковский предложил определение «безлично-предикативные слова», отметив в качестве характеризующего признака способность употребляться «только при глаголах, и притом не при всяком глаголе, а почти исключительно при глаголе *быть*» [12, с. 352]. Л.В. Щерба впервые предложил выделить эти единицы в отдельную часть речи, однако определил их не как предикативные наречия, а как особый класс, называемый «категорией состояния». В качестве отличительных признаков категории состояния Щерба выделил употребление со связкой, способность выступать в роли сказуемого в безличном предложении, выражение семантики состояния, неизменяемость [13, с. 82].

В.В. Виноградов также выделял подобные языковые факты в отдельную частеречную категорию, не пытаясь расширить двухчастную адвербиальную систему, однако описывал процесс формирования категории как результат «сложного грамматического переплетения свойств и функций имени, глагола и наречия» [3, с. 364]. По мнению ученого, сам факт появления нового частеречного образования отражает наличие в языке динамических процессов возрастания роли предикативности. Глагольная система влияет на состояние других частей речи, но и сама подвергается изменениям. В то же время предикативные наречия проявляют ярко выраженные идиоматические свойства, что свидетельствует о расширении предикативного фразеологического фонда. Усиление значимости предикативных свойств, характеризует, по мнению Виноградова, всю языковую систему, что и ставит вопрос о необходимости выделения предикативных единиц в особую категорию, «новую для русского языка, но очень активно развивающуюся часть речи» [там же, с. 365].

В то же время ученый отметил противоречие между наречиями и глаголами, которое проявляется на морфологическом и синтаксическом уровне. С точки зрения морфологии наречия противопоставляются глаголам в отношении номинативности-предикативности, а с точки зрения синтаксиса наречие так же, как и глагол, может выступать в роли сказуемого.

Вопрос о самостоятельном статусе единиц с семантикой предикативного состояния не получил еще однозначного описания в лингвистике. В толковых словарях такие слова сопровождаются пометкой «*в качестве сказуемого*». Между тем изучение потенциала категории состояния проводится в сопоставительном аспекте — в сравнении системы русского языка с системами других языков.

Понятие действия, протекающего во времени, наделяется оттенками пространственно-видовых значений, противопоставляется понятию качественного состояния, которое свойственно лицам и предметам.

Возможность отнесения единиц с семантикой предикативного состояния к классу наречий определяется постоянным морфологическим признаком — неизменяемостью. В этом случае, чтобы сохранить последовательность, необходимо понимать, что наречия в предложении могут быть обстоятельством, некоторые наречия — обстоятельством и сказуемым в безличном предложении, а некоторые — только сказуемым в безличном предложении. Однако актуальность предикативных наречий в языке подчеркивается тем фактом, что численный рост этой категории происходит не только за счет единиц литературного языка, но и за счет разговорной и жаргонной речи. Кроме того, признаки предикативных наречий могут приобретать и другие части речи: прилагательные и существительные. Следовательно, актуализируется вопрос о разграничении предикативных наречий, существительных и прилагательных.

В науке в настоящее время проводится также разграничение слов категории состояния и предикативных наречий. В категории состояния отсутствует семантика признака действия, присущего наречиям. Наречие характеризуется примыканием к главному слову, в то время как слова категории состояния обладают синтаксической самостоятельностью. В отличие от наречий, единицы категории состояния управляют дательным падежом. Но и предикативные наречия, и слова категории состояния способны выступать в роли сказуемого.

Г.И. Панова и А.Е. Кузьмина выделяют в качестве признака, позволяющего идентифицировать предикативные наречия и отделить их от слов категории состояния, специфику реализации предикативной функции на синтаксическом уровне [14].

В односоставном безличном предложении функцию сказуемого выполняют слова категории состояния, и авторы предлагают отделять их от предикативных наречий, которые выступают в качестве сказуемого в двусоставных предложениях с подлежащим-сказуемым (*Курить — вредно, Отдыхать — здорово*) и подлежащим-инфинитивом (*Дверь настежь, Машина всмятку*). Однако в большинстве исследований слова категории состояния и предикативные наречия не имеют четких границ.

Таким образом, предикативные наречия рассматриваются как полевая структура, входящая в адвербиальное макрополе, но выстраивающая прочные структурные связи с именными грамматическими полями, однако наиболее тяготеющая к грамматическому полю глаголов. В пространстве поля предикативных наречий выделяются функционально-грамматические поля односоставных и двусоставных синтаксических единиц, которые различным образом проявляют свойства предикативных наречий.

Кроме формальных, существуют и другие отличительные признаки предикативных наречий. Один из таких признаков — изобразительность, «способность в предельно лаконичной форме передать отношение героя к событиям, восприятие мира и их оценку» [15, с. 11].

В синтаксических конструкциях с предикативными наречиями в роли безличного сказуемого субъект может не именоваться, но его индивидуальное восприятие передается достаточно точно. Изобразительная функция категории предикативных наречий особенно ярко проявляется в художественном дискурсе, при анализе психологических особенностей героев. Предикативные наречия используются для представления особенностей индивидуального состояния персонажей.

Основываясь на том, что критерием определения степени выразительного потенциала языковых явлений может служить разнообразие приемов их эстетической актуализации, можно утверждать: предикативные наречия, активно используемые для реализации фигур прибавления (разных типов упорядоченных повторов) и фигур контраста (антитеза), обладают мощным выразительным потенциалом.

В грамматической семантике предикативов выделяется три типа семантического значения:

- семантика состояния выражается стативами;
- семантика результата действия выражается перфективами;
- семантика качества выражается квалиативами [1, с. 19].

Стативы понимаются как предикативы со значением состояния — признака, присущего лицу или предмету в течение ограниченного времени. Семантика состояния проявляется по отношению к временной оси как отрезок, а не точка. Состояние длится, а не протекает и не изменяется во времени. Основной характеристикой субъекта состояния выступает волевая пассивность, которая соединяется с признаком неизменяемости. Семантически состояние определяется как существующее само по себе, без воздействия субъекта. Изменение состояния также возникает не в результате действий субъекта, а в результате воздействия внешней силы, не зависящей от волеизъявления.

Широкая представленность предикативов состояния в русской языковой системе отражает неагентивно-созерцательную и эмоциональную ориентацию русского грамматического мышления. Следовательно, предикативные наречия можно рассматривать как отражение национальной картины мира, как специфический признак русской лингвокультуры. Это отражение двух черт: созерцательности и внутреннего переживания.

Предикативы вербализуют ситуацию внутреннего переживания, эксплицируют эмоциональность как важный признак русской лингвокультуры.

Поскольку функциональная общность предикативных наречий выявляется на синтаксическом уровне, при обретении ими предикативных свойств в роли сказуемого, семантика предикативов состояния не может быть рассмотрена в отрыве от грамматической характеристики.

Предикативность как грамматическое значение предложения выражается категориями синтаксического времени, модальности и лица. Вербализуется предикативность посредством определенных формальных признаков, которые позволяют участникам коммуникации воспринимать предложение как коммуникативное единство. То есть предикативность выступает как единица синтаксической семантики.

Предикативность выступает как многоаспектная категория. Первый аспект — конструктивно-синтаксический, в котором компонентами предикативности выступают подлежащее и сказуемое. Второй аспект — семантико-синтаксический, компоненты предикативности на этом уровне — субъект и предикат. Компоненты предикативности в аспекте высказывания: тема и рема [17, с. 83].

Предикативность наречий выражается одним компонентом, на синтаксическом уровне реализуясь в форме безличного предложения. Соответственно, в этом случае с формальной точки зрения можно говорить о неполной предикативности. Формальная неполнота может быть восполнена за счет грамматических средств — использования связочных конструкций.

Связочный глагол выполняет функцию формообразования, а также выражает особенность отношений предмета и предикативного признака и выступает компонентом модальной семантики предложения. Глаголы русского языка, выступающие в роли связок, образуют обширное функционально-грамматическое поле, ядром которого выступает глагол «*быть*».

В категориальном значении предикатива ведущую роль приобретают время и наклонение, средствами выражения которого не обладают номинативные части речи. Функцию экспликации времени и наклонения реализуют глаголы-связки. Основной связочный глагол русского языка *быть* может замещаться полузнаменательными связками: *стать* — *становиться*, *сделаться* — *делаться*, *остаться* — *оставаться*, *показаться* — *казаться*, *оказаться* — *оказываться*, *выйти* — *выходить*, *получиться* — *получаться* и др.

Большое количество предикативных единиц, их обсуждаемый частеречный статус и тенденция к расширению лексического состава категории состояния позволяет рассматривать корпус предикативов русского языка как функционально-семантическое поле состояния, причем ядерная зона поля представлена безличными предикативами.

С точки зрения грамматики функционально-семантическое поле (ФСП) состояния соотносится с категорией сочетаемости предикативов. В этом поле реализуются модели сочетания главного предиката и инфинитива. В поле категории состояния в качестве главного предиката выступает предикатив с семантикой состояния, в качестве средства семантической и грамматической сочетаемости — глагол в форме инфинитива.

Следует отметить, что ФСП состояния и ФГП сочетаемости не совпадают в своих границах, а имеют смежную область. В эту область входят не все предикативы ФСП состояния. Не входят в грамматическое поле сочетаемости предикативы с семантикой перцептивности и ментальности.

С точки зрения инфинитивной конструкции предикативы можно свести к двум большим классам: внутренние оценки, или эмоциональные реакции — моносубъектные конструкции; внешние оценки, или интерпретации — разносубъектные конструкции.

Следовательно, в корпусе предикативов с точки зрения грамматики выделяются четыре семантических класса:

- предикативные наречия с семантикой перцептивности (*видно, слышно*);
- предикативные наречия с семантикой ментальности (*понятно, известно, очевидно*);
- предикативные наречия с семантикой эмоциональной реакции (*радостно, грустно, приятно*);
- предикативные наречия с семантикой внешней оценочности (*удачно, дорого*).

Предикативные наречия с семантикой внутренней оценки (эмоциональные реакции) вербализуют достаточно сложный психологический процесс, который включает и оценку ситуации, и эмоциональное переживание на основе этой оценки. Такая сложная психологическая реакция предполагает вербализацию смешанной семантики, основанной на эмоциональной и ментальной реакции, поскольку оценка ситуации предполагает использование ментальных процессов. Соотношение ментальных и эмоциональных компонентов у предикатов может меняться, что приводит

к соответствующим изменениям коммуникативной структуры или типа значения. Важно, что внутренние оценки содержат оба компонента, т.е. их можно называть и эмоциями, и оценками.

В процессе генерализации семантики предикативных наречий формируются два больших класса оценок: положительные и отрицательные. Генерализация приводит к семантическим деривациям, когда предикативные наречия с семантикой перцептивности (*горько, больно, тяжело*) выступают в качестве предикативов с семантикой эмоциональной реакции. В этом случае происходят и грамматические изменения: эмоциональная оценка выражается в глаголе, который обеспечивает связи предикативной конструкции с контекстом:

Горько осознавать потерю.

Тяжело расставаться с прошлым.

Больно знать правду.

Предикативные наречия внешней оценки иначе называются интерпретациями, поскольку представляют семантику не переживания, а оценки на основе множественной ментальной реакции, закрепившейся в социуме.

Суть внешней оценки заключается в позиции интерпретатора, который оценивает ситуацию, опираясь на коллективный социальный опыт: *безответственно, непорядочно, преступно, наивно*. Семантика таких предикатов отражает этическую систему ценностей и норм социального сообщества, фактически эти предикаты вербализуют концепты национальной культуры в ряду базовой оппозиции *хорошо — плохо*. Интерпретация оценивает поведение человека, причем эта оценка может расходиться с эмоциональной оценкой самого субъекта действия.

Следовательно, эмоциональная и интерпретативная реакция характеризуют разные сферы действия: внешняя оценка относится к ситуации, внутренняя — к реакции на ситуацию.

Интерпретации также делятся на две большие группы, в основе которых также лежит позитивная (одобрение) или негативная (неодобрение) оценка.

С синтаксической точки зрения интерпретационные конструкции отличаются от других конструкций с предикативными наречиями. В других конструкциях субъекты обычно выражаются с помощью косвенных падежей, в интерпретационных указание на субъекта оценки производится с помощью вводных конструкций или косвенного указания.

Конструкции с семантикой внешней и внутренней оценки (эмотивы и интерпретативы) представляют интерес как сфера отражения актуальных процессов развития языка. Изменения формы синтаксических конструкций отражают процесс семантических дериваций, при котором лексические единицы с семантикой действия или процесса переходят в класс состояний. Наряду с этим наблюдается и обратный процесс, когда слова, исходно обозначающие состояние, приобретают разные типы зависимых единиц, не свойственных исходному классу.

Так, предикативные наречия, изначально выступающие по отношению к глаголу в роли зависимой леммы, повышают свой синтаксический статус и употребляются в составе инфинитивной конструкции.

Особенно явно этот процесс проявляется в предикативах ощущений и предикативах интерпретации. У предикативов сензитивных и интерпретационных групп инфинитивная конструкция является показателем языковых сдвигов — синтаксических и семантических.

Синтаксической формой репрезентации предикативов внутренней и внешней оценки является конструкция «предикатив + инфинитив», которая обладает незначительной вариативностью: для уточнения семантики может быть использован датив. Инфинитив может быть заменен временными и наклонительными формами глагола «быть», который выступает как средство вербализации концепта и отражает принцип связи человека и окружающего пространства, которая является основной категорией национальной культуры.

Предикативные наречия с семантикой ментальности можно разделить на две большие группы: лексемы ментальной оценки и лексемы внешней эмоциональной оценки. Семантика этих предикативных наречий содержит компоненты оценки, элементы компаративности и императивности. Ментальные предикативные наречия репрезентуют также связь действия с категориями времени и пространства и в целом характеризуют состояние человека в конкретных обстоятельствах реального мира.

С грамматической точки зрения в предикативных конструкциях выделяются два основных типа: «предикатив + инфинитив глагола совершенного вида» и «предикатив + инфинитив глагола несовершенного вида». Различие в грамматике сопровождается различиями на семантическом уровне. Большинство предикативов могут сочетаться с глаголами обоих видов, но единицы с яркой социокультурной обусловленностью, отражающие сферу социальных отношений, в большей степени сочетаются с глаголами несовершенного вида, выражающими комплекс постоянно повторяющихся действий.

Предикативные наречия с семантикой эмоциональной внутренней оценки содержат имплицитный компонент ментальной оценки, компаративных отношений, но не проявляют императивного потенциала.

Семантические поля предикативных наречий ментальности и предикативных наречий эмоциональности сближаются и взаимодействуют друг с другом, что приводит к образованию смежных областей. Эта семантическая общность отражает близость интеллектуальных и эмоциональных процессов.

Предикативные наречия с семантикой ментальности обнаруживают тенденцию к идиоматичности вследствие востребованности в речевом общении, что приводит к ослаблению семантического значения.

Предикативные наречия с семантикой внутренней эмоциональной оценки отражают процесс взаимодействия субъекта с внутренним миром, глубинное соотнесение собственных реакций с морально-ценностной системой национальной культуры. Эти единицы обладают высоким уровнем лингвокультурной обусловленности.

Интенсивное развитие категории предикативности в русском языке увеличивает количество единиц, которые приобретают конверсивные свойства, обнаруживая способность переходить в другие части речи. Этот процесс характеризуется усилением формальных признаков, основным из которых является неизменяемость. Частичная утрата способности к грамматической вариативности компенсируется расширением семантики единиц. Таким образом, предикативные наречия обладают потенциальной способностью к сближению с другими грамматическими полями, что способствует обретению ими самостоятельного частеречного статуса, который в науке может определяться как «категория состояния» и «предикативы». Вопрос о научном описании и ограничении корпуса этих единиц остается актуальным и требующим дальнейшего исследования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. 685 с.
2. Савелова, Л.А. Семантика и прагматика русского наречия: дис. ... д-ра филол. Наук. Архангельск, 2009. 386 с.
3. Виноградов, В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / под. ред. Г.А. Золотовой. 4-е изд. М.: Русский язык, 2001. 720 с.
4. Евтюхин, В.Б. Наречие // Морфология современного русского языка: Учеб. для высших учебных заведений Российской Федерации. СПб.: Филологический фак. Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2013. С. 492–532.
5. Камынина, А.А. Современный русский язык. Морфология. М.: МГУ, 1999. 240 с.
6. Линь Лимэй. Полифункциональное слово «наоборот»: семантическая и синтаксическая специфика: дис. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2021. 113 с.
7. Летучий, А.Б. Предикативы в системе русских признаковых слов — наречий и прилагательных // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 76. С. 105–147.
8. Востоков, А.Х. Русская грамматика. М.: Научная литература 2011. 246 с.
9. Буслаев, Ф.И. Историческая грамматика русского языка. М.: УРСС, 2014. 288 с.
10. Богородицкий, В.А. Общий курс русской грамматики. М.: УРСС, 2011. 576 с.
11. Шахматов, А.А. Синтаксис русского языка. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 624 с.
12. Пешковский, А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М.: Языки славянской культуры, 2001. 544 с.
13. Щерба, Л.В. Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1957. 186 с.
14. Панова, Г.И., Кузьмина, А.Е. Проблема определения диапазона наречия в русском языке // Мир науки, культуры, образования. 2022. № 6 (97). С. 580–583.
15. Мкртычова, Г.О. Слова категории состояния: анализ категории категоризации и грамматикализации: дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д, 2011. 158 с.
16. Паташкова, Е.С. Слова с семантикой состояния и текстовая модальность // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и филологии. 2014. № 2 (33). С. 17–25.
17. Николаева, Т.Г. Критический анализ понятий «предикация» и «предикативность» в современной лингвистике // Известия ВГПУ. 2018. № 4 (127). С. 82–87.

REFERENCES

1. *Lingvisticheskij enciklopedicheskij slovar* [Linguistic encyclopedic dictionary]. Ed. by V.N. Yarcev. Moscow, Sovetskaya enciklopediya, 1990, 685 p. (in Russ.)
2. Savelova, L.A. *Semantika i pragmatika russkogo narechiya* [Semantics and Pragmatics of the Russian Dialect]: ScD Dissertation (Philology). Arxangelsk, 2009, 386 p. (in Russ.)
3. Vinogradov, V.V. *Russkij yazyk (Grammaticheskoe uchenie o slove)* [Russian Language (Grammatical Teaching of the Word)]. Ed. by G.A. Zolotova. Moscow, Russkij yazyk, 2001, 720 p. (in Russ.)
4. Evtyuxin, V.B. Narechie [Adverb]. In: *Morfologiya sovremennogo russkogo yazyka: Uchebnik dlya vysshix uchebnyx zavedenij Rossijskoj Federacii* [Morphology of the Modern Russian Language: Textbook for Higher Educational Institutions of the Russian Federation]. St. Peterburg, Filologicheskij fakultet Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo univeriteta, 2013, 638 p. (in Russ.)

5. Kamynina, A.A. *Sovremennij russkij yazyk. Morfologiya* [Modern Russian Language. Morphology]. Moscow, Moskovskij gosudarstvennyj universitet, 1999, 240 p. (in Russ.)
6. Lin Limej. *Polifunkcionalnoe slovo “naoborot”: semanticheskaya i sintaksicheskaya specifika* [The Multifunctional Word “on the contrary” Semantic and Syntactic Specifics]: ScD Dissertation (Philology). Vladivostok, 2021, 113 p. (in Russ.)
7. Letuchij, A.B. *Predikativy v sisteme russkix priznakovyx slov — narechij i prilagatelnyx* [The Place of the Predicative in the System of Russian Attributive Words (Adverbials and Adjectives)], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya = Bulletin of Tomsk State University. Philology*, 2022, No. 76, pp. 105–147. (in Russ.)
8. Vostokov, A.X. *Russkaya grammatika* [Russian Grammar]. Moscow, Nauchnaya literature, 2011, 246 p. (in Russ.)
9. Buslaev, F.I. *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka* [Historical Grammar of the Russian Language]. Moscow, URSS, 2014, 288 p. (in Russ.)
10. Bogorodiczkiy, V.A. *Obshhij kurs russkoj grammatiki* [General Course of Russian Grammar]. Moscow, URSS, 2011, 576 p. (in Russ.)
11. Shaxmatov, A.A. *Sintaksis russkogo yazyka* [Syntax of the Russian Language]. Moscow, URSS, 2001, 624 p. (in Russ.)
12. Peshkovskij, A.M. *Russkij sintaksis v nauchnom osveshhenii* [Russian Syntax in Scientific Coverage]. Moscow, Yazyki slavyanskoj kultury, 2001, 544 p. (in Russ.)
13. Shherba, L.V. *Izbrannye raboty po russkomu yazyku* [Selected Works on the Russian Language]. Moscow, Uchpedgiz, 1957, 186 p. (in Russ.)
14. Panova, G.I., Kuzmina, A.E. *Problema opredeleniya diapazona narechiya v russkom yazyke* [The Problem of Determining the Adverb Range in the Russian Language], *Mir nauki, kultury, obrazovaniya = The World of Science, Culture and Education*, 2022, No. 6 (97), pp. 580–583. (in Russ.)
15. Mkrtychova, G.O. *Slova kategorii sostoyaniya: analitizm kategorizacii i grammatikalizacii* [Words of the Category of State: Analyticism of Categorization and Grammaticalization]: PhD Dissertation (Philology). Rostov-na-Donu, 2011, 158 p. (in Russ.)
16. Patashkova, E.S. *Slova s semantikoj sostoyaniya i tekstovaya modalnost* [Words with Semantics of State and Text Modality], *V mire nauki i iskusstva: voprosy filologii, iskusstvovedeniya i filologii = In the World of Science and Art: Issues of Philology, Art Criticism and Philology*, 2014, No. 2 (33), pp. 17–25. (in Russ.)
17. Nikolaeva, T.G. *Kriticheskij analiz ponyatij “predikaciya” i “predikativnost” v sovremennoj lingvistike* [Critical Analysis of the Concepts of “Predication” and “Predicateness” in Modern Linguistics], *Izvestiya VGPU = Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*, 2018, No. 4 (127), pp. 82–87. (in Russ.)

Эль-Султани Мисак Мохаммед Измаел, кандидат филологических наук, кафедра русского языка, Багдадский университет, saladbmw@gmail.com

El-Sultani Methaq Mohammed Ismail, PhD in Philology, Associate Professor, Russian Language Department, University of Baghdad, saladbmw@gmail.com

Статья поступила в редакцию 19.09.2024. Принята к публикации 15.11.2024

The paper was submitted 19.09.2024. Accepted for publication 15.11.2024